

вменено в вину чуждому японцам языку. Таково второе обстоятельство, разъясняющее превосходство японского языка над другими.

Далее, другие языки обладают мнимым богатством звуков; это видно хотя бы из того, что многие звуки не находят себе места даже в самых богатых по звукам языках. Это обстоятельство тоже говорит против них.

Правда, могут возразить, указав на то, что проникновение китайской письменности, китайских книг в Японию началось чуть ли не с III века нашей эры и что уже с этого времени в Японию проникли и «нечистые» китайские звуки. Однако, — говорит Мотоори, — не надо думать, что японцы взяли чтение китайского иероглифа вместе с самим иероглифом так, как оно есть, в неприкосновенном виде. Нет, оно, это чтение, установлено таким образом, чтобы не удаляться от звуков родного языка. Невозможно было оставлять чужое так, как оно есть. Вот почему в китайских словах, заимствованных японцами, с точки зрения фонетической правильно только то, что похоже на фонетические особенности японского языка, и неправильно то, что, хотя бы в минимальной доле, похоже на фонетические особенности китайского языка.

Как видим, ярко националистическая тенденция, целиком укладывающаяся в рамки феодального сознания, характерна для всего творчества Мотоори в области внешней лингвистики. Утверждение полнейшей изоляции, полнейшего противопоставления — вот что свойственно Мотоори. Поэтому ему и в голову не приходит сравнивать эти языки, ибо как можно сопоставлять черное и белое, как можно «метать бисер перед свиньями». Хосина Коити, автор истории японской лингвистики, рассказывает, что когда Фудзии, один из современников Мотоори, в одной из своих работ намекнул на взаимоотношения японского и корейского языков, гневу Мотоори не было предела. «И это, — добавляет Хосина, — с точки зрения Мотоори не было лишено оснований».¹

Лингвистические взгляды Мотоори, который считается одним из отцов японской лингвистики и авторитет которого в области филологии никем не поколеблен до сих пор, имеют весьма мало общего с лингвистикой как таковой. Один из его исследователей совершенно справедливо отмечает, что Мотоори фактически не доказал на основе лингвистических данных, почему именно японский язык превосходит все остальные. Аргумент, отправная точка зрения Мотоори, чрезвычайно прост: «раз государственный строй превосходен, то, следовательно, и язык правилен и классичен».²

Все лингвистические исследования Мотоори были поставлены на службу политике. Как говорит один из его исследователей, Мотоори «чувствовал необходимость изучения национального языка только как одного из средств, способствующих разъяснению государственного строя Японии, разъяснению пути богов».³

Таким образом, лингвистика в руках Мотоори была отраслью политики; в ней он черпал аргументы политического характера. Его лингвистические исследования шли не столько из побуждений лингвистического характера, сколько были одним из средств разъяснить классиков, которых он сделал орудием своей политической борьбы (на роли Мотоори как политической фигуры и его значения для истории идеологии японского феодализма мы здесь не останавливаемся, поскольку это не диктуется задачами настоящей работы). «Абсолютно бесспорно, что факт лингвистики был ложно истолкован, фальсифицирован в угоду науке о классиках».⁴

¹ Хосина Коити, Кр. история японской лингвистики, стр. 163.

² Хосина Коити, цит. раб., стр. 192.

³ Хосина Коити, цит. раб., стр. 162.

⁴ Хосина Коити, цит. раб., 162.